

ЩОДЕННИК ШВЕДСЬКОГО ФЕНРИКА* РОБЕРТА ПЕТРЕ ЯК ВАЖЛИВЕ ДЖЕРЕЛО ІНФОРМАЦІЇ ПРО ПЕРЕБІГ ПОДІЙ ВЕЛИКОЇ ПІВНІЧНОЇ ВІЙНИ В УКРАЇНІ.

Незважаючи на зусилля істориків відтворити справжній перебіг подій одного з найбільш яскравих військових конфліктів XVIII ст. – Великої Північної війни 1700–1721 рр. та її вирішальної битви, яка сталася поблизу Полтави 27 червня 1709 р., ще залишається багато білих плям, що створюють прихильникам історичної фантастики простір для міфотворення.

Однією з причин, які призвели до такої ситуації, можна вважати обмежений доступ науковців до архівів, бібліотек та музеїв країн Західної Європи, де зберігаються унікальні документи, здатні пролити світло на події тих далеких років. За радянських часів матеріали закордонних архівів, зокрема Національного Архіву Швеції (Riksarkivet), Військового архіву Швеції (Krigsarkivet), Бібліотеки університету в м. Упсала (Uppsala universitetsbibliotek), Слов'янського відділу Бібліотеки університету Гельсінкі (Slavica), Музею історії шведської армії у Стокгольмі (Armémuseet), використовувалися Є. Тарле, В. Артамоновим, Є. Колосовим. Серед українських істориків, що працювали з фондами згаданих установ, слід згадати І. Борщака, Б. Кентржинського, О. Субтельного, Т. Мацьківа.

До історичних матеріалів, які викликали неабиякий інтерес дослідників, перш за все належали щоденники каролінських вояків, які велися не лише офіцерами, але й рядовими піхотинцями та кавалеристами, оскільки рівень освіченості тогочасної шведської армії був дуже високим. Одним із таких щоденників є щоденник шведського фенріка Роберта Петре. Він знайдений на початку XX ст. в архіві університету м. Упсала професором Августом

* **Фенрік** – найнижчий офіцерський чин у шведській армії. За часів Карла XII фенрік, як правило, командував взводом та допомагав командирі роти. У 1930 році це звання було замінено на звання другого лейтенанта.

****Август Вільгельм Квінерштедт**, зоолог, історик Карла XII. Народився 3 липня 1837р. у селі Рюдахольм (земля Йончопінг). Навчався в Університеті м. Лунд, доктор філософії (1862), доцент зоології (1865) і професор цього ж університету (1880–1902). Брав участь у першій шведській полярній експедиції Торела і Норденшельда до Шпіцбергена (1858) і пізніше в експедиції через Північний Льодовитий океан до острову Ян-Майєн (1863). Упродовж кількох років Август Квінерштедт з особливим інтересом присвятив себе написанню і виданню книг, присвячених Карлу XII і його часу, а також надрукував 12-томне видання «Щоденники воїнів Карла XII».

Квінерштедтом** (1837–1926). Починаючи з 1903 року, дослідник опрацював і видав 12 томів щоденників воїнів Карла XII, які можна розглядати як важливе джерело інформації щодо перебігу подій Великої Північної війни.

На жаль, перші й останні сторінки щоденника були втрачені. Однак це незавадило встановити його авторство, засвідчене родичами Роберта Петре, який використовував в тексті свій власний стиль скорочень, що дозволяли йому робити компактні записи в щоденнику. Справжнє ім'я автора – Роберт Бергх. Народився він 1682 року у невеликому шведському містечку Арбога. Його прізвище в перекладі зі старо-шведської мови означає «камінь». У віці 17 років він почав працювати помічником юриста. Під час навчання в університеті Роберт змінив своє прізвище латинським аналогом, що було тоді досить модно. 1701 року у зв'язку зі скрутним матеріальним становищем своєї родини він перервав навчання та вступив на військову службу до полку Хелсін'є* (Helsinges regemente) за контрактом. У складі свого полку Роберт Петре брав участь у битвах Великої Північної війни на узбережжі Балтійського моря, а також поблизу Лісної та під Полтавою. Свій щоденник він почав вести 1702 року, коли служив у Лїфляндії під командуванням генерала Левенгаупта. У квітні–червні 1709 року він перебував із своїм взводом в облогових траншеях поблизу Полтавської фортеці. Під час вирішальної битви 27 червня 1709 р. він потрапив у полон і пізніше був направлений до Сольвичегорська, розташованого біля витоків Північної Двіни. До Швеції він повернувся лише у травні 1722 року. Помер Роберт Петре 1725 року. Всі його папери, враховуючи щоденник, були передані до архіву, оскільки ніхто з його родичів не висунув своїх прав на них. З часом вони якимось чином опинилися в архіві університету у м. Упсала, де їх знайшов Август Квінерштедт.

Щоденник Роберта Петре представляє інтерес для історичної науки з кількох причин.

По-перше, тому, що автор знаходився в корпусі генерала Левенгаупта і дав нам достатньо повну картину того, що відбувалося з цим корпусом, починаючи з 1702 року і закінчуючи його цілковитою поразкою у битві поблизу Лісної. Ферік Петре брав участь в цьому марші. Під Лісною він був поранений, однак продовжив свій шлях до Полтави, хоча вже у складі Далекарлійського полку. Під Полтавою він брав активну участь у проведенні важких і небезпечних робіт в облогових траншеях навколо міста, ніс вартову службу.

По-друге, у своєму щоденнику Роберт Петре детально змалював будні шведської армії з безліччю цікавих деталей. Він декілька разів бував у штаб-квартирі Карла XII у Будищах, часто зустрічався з королем і навіть розмовляв з

* Полк Хелсін'є був сформований у 1685 році після поділу великого Нормандського полку, чисельність якого становила близько 3000 вояків, на три, один з яких отримав назву полк Хелсін'є. Полк приймав участь у битвах під Нарвою (1700) та Лісною (1708). В останній зазнав великих втрат. Під час Полтавської битви декілька рот цього полку, що залишилися, були передані Далекарлійському полку для підсилення.

ним, коли той відвідував облогові траншеї. Крім того, він був свідком зустрічей короля з гетьманом Мазепою, на власні очі бачив «у справі» козаків-мазепинців тощо.

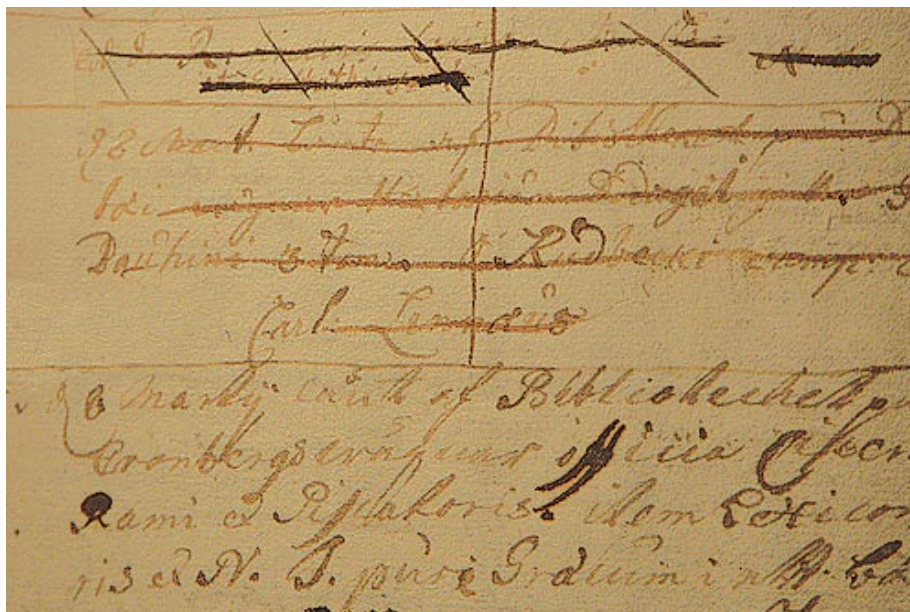
По-третє, щоденник можна вважати достовірним джерелом, яке, однак, вимагає критичного підходу при використанні. Записи у щоденнику не дозволяють зробити висновок щодо того, чи бачив автор описувані ним події, чи лише чув про них. В останньому випадку постає нове запитання: а чи не перекручував він часом почуту інформацію у власних інтересах, що було властивим щоденникам представників вищого командного складу армії, від тих чи інших дій яких, залежав результат військової операції. Цілком зрозуміло, що автори щоденників намагалися виправдати свою поведінку у різних ситуаціях. Натомість автору щоденника не було ніякої потреби приховувати що-небудь від майбутніх читачів. Він просто день за днем заносив до нього свої думки та враження від побаченого, що вирізняє його з-поміж інших.

Відомий шведський історик, автор книги «Полтава. Історія загибелі однієї армії» Пітер Енглунд 1998 року видав збірку щоденників деяких учасників Великої Північної війни, до якої він також включив щоденник Роберта Петре. Щоденники були опубліковані старошведською мовою, яка є важкою для прочитання навіть шведам. Переклад цього щоденника на російську мову має на меті дати українським і російським історикам масу цікавих відомостей про облогу фортеці Полтава, участь українських козаків у військових діях того часу, зустрічі шведського короля з українським гетьманом тощо. Перекладена частина щоденника стосується лише часу облоги Полтавської фортеці армією Карла XII. У тексті щоденника максимально збережено авторський стиль, хоча іноді це було доволі складно здійснити, оскільки старошведська мова вирізнялася значним відсотком слів латинського походження, а також надзвичайною довжиною речень, які інколи не вміщувались на одній сторінці. Дати в тексті щоденника подані за шведським стилем, який випереджав тогочасний російський календар на 1 добу. Місця щоденника, що були пошкоджені, позначені крапками.

* * *

7 апреля. Его Величество приказал 150 солдатам лейб-гвардии следовать к городу Полтаве, расположенному в 4 милях от Будыщ. В Полтаве русские имели сильный гарнизон для охраны оружия, боеприпасов и униформы. Отряд получил задание сжечь город.

16 апреля. Мы получили сообщение о том, что враг утром совершил вылазку из Полтавы, в которой участвовало 300 солдат и 200 местных жителей. Они атаковали шанец, в котором находился капитан Оллера и 150 солдат из лейб-гвардии. Они отважно защищались и после короткого боя вынудили противника отступить в город, оставив убитыми 40–50 человек. Днем король со свитой посетил место боя. Это случилось за два дня до Пасхи. В тот же день Его Величество вернулся в свою штаб-квартиру в Будыщах.

Фрагмент одного з щоденників воїнів Карла XII.
Військовий архів Швеції (Krigsarkivet)

25 апреля. Ранним утром мы покинули Будыщи и вечером прибыли в Жуки. По дороге мы проехали Петровку (она была слева от нас).

26 апреля. Утром мы покинули Жуки и около полудня прибыли к крепости Полтава, которую Его Величество имел намерение атаковать с ходу. С 24 солдатами я был послан охранять мост, и это был третий случай, когда я имел честь разговаривать с Его Королевским Величеством. Он приказал мне не пропускать никого по мосту, проложенному по болоту и докладывать ему о всех замеченных группах и отдельных солдатах противника. Я исполнил приказание короля, и уже вскоре мой дозорный, находившийся недалеко на холме, доложил о замеченных им всадниках и нескольких пешех, которые несли бревна. Я послал унтер-офицера с докладом к полковнику Сигроту (командир Далекарлийского полка – О. Б.). Позже Его Королевское Величество и полковник Сигрут подошли ко мне и спросили о замеченном передвижении. Я показал им то место, где были замечены люди. Король направил офицера выяснить, кто были они, и через полчаса ему доложили, что это были шведы, которые разбирали мост через Ворсклу. Офицер, которого направил король для выяснения личностей людей, переносивших бревна, был подчиненным генерал-майора Стаккелбери. Он прибыл для подготовки места для штаба фельдмаршала Реншильда и генерал-майора Стаккелбери. Штаб был устроен в двух фермерских постройках недалеко от места, где я находился в дозоре. Вскоре король покинул нас. Генерал-майор Стаккелбери приказал моим солдатам вычистить покинутые хаты и отремонтировать окна, разбитые хозяевами. Он был очень добр ко мне и пообещал, повесить меня в звании, так как слышал, что меня

давно не продвигали по службе. Он спросил меня о причине задержки и успокоил, что скоро у нас будет хороший командир полка, справедливый ко всем. Будь терпелив, сказал генерал-майора Стаккелбери, скоро будут перемены. Он сказал, что мне не стоит переходить в другой полк из-за того, что меня не продвигают по службе, и что скоро я буду лейтенантом.

27 апреля. В 4 часа утра лейтенант Яков Варгер пришел ко мне с 30 солдатами для усиления охраны моста через болото, так как раннее утро – это наиболее удобное время для вражеских вылазок. Эти солдаты облегчили мое дежурство, однако я находился на посту до 8 часов утра, когда майор разрешил мне идти отдыхать. Это стало постоянной процедурой до тех пор, пока запорожцы не прибыли и не заняли позиции перед нами.

29 апреля. Я снова нахожусь на посту с 16 солдатами. Мне поручили пост, на котором я прежде службу не нес. Пост находится напротив крепости и на такой же высоте. Между мною и крепостью была только одна глубокая равнина. Справа от меня была Ворскла и большое болотистое поле. Полковник Сигрот лично направил меня туда. Когда я добрался до этого места, я увидел Его Величество Короля, Реншильда, Левенгаупта и Стаккелбери. Я выслал дозорных и враг начал по ним стрелять из самой высокой батареи крепости. Слава Богу – они стреляли выше нас. Король спросил, на дежурстве ли я сейчас и отдал мне приказ переместиться назад в прекрасный вишневый сад. Он разрешил солдатам положить их мушкеты на землю и отдыхать, пока противник опять не начнет стрелять из крепости. Я выполнил приказ. После этого король покинул нас, приказав напоследок внимательно наблюдать за всем, что происходит внутри и снаружи крепости, и докладывать ему. Если враг начнет атаковать, я не должен отступать, как бы трудно мне не было, сказал он. Более того, я даже получил приказ контратаковать. Я ответил, что с Божьей помощью, сделаю все, что в моих силах. В этот день батальон гренадеров под командой майора Гилленштерна и капитана Маннерсверда прибыли к крепости и заняли позиции с другой стороны Полтавы, там, где находится монастырь.

30 апреля. В 4 часа утра Король и Реншильд прибыли на мой пост и спросили, нет ли новостей. Я ответил, что ничего нового нет. На другом берегу Ворсклы я видел несколько костров и слышал звуки рубки леса. Реншильд посмотрел на это место в подзорную трубу, а затем подал солдатам команду «вольно» и даже разрешил им есть. Около 10 часов утра я увидел две лодки, которые плыли через болото к городу. Болото было очень широким, и остановить их было невозможно. Около 2 часов дня двое всадников поскакали от болота к городу. Возможно, их лошади были перевезены на больших лодках или спрятаны на берегу болота заранее. На одном из них была черная форма, на другом – серая. Король послал генерал-адъютанта Гилленклоу ко мне узнать о направлении их движения. Я все ему рассказал, и он отпустил меня. Вскоре и сам Король прибыл узнать о подробностях, и я повторил свой рассказ ему. Я сказал ему, что если бы здесь были шведские кавалеристы, я бы смог уничтожить этих всадников. Я не осмелился покинуть пост и атаковать их со своими пехотинцами, так как их было бы легко захватить в плен. У подножья холма,

Загальний вигляд Полтавської фортеці в XVII ст. Малюнок невідомого автора

на котором расположена крепость, может быть много русских, спрятавшихся в покинутых домах. Король приказал генерал-адъютанту прислать к холму 60 солдат и ночью сжечь все дома возле подножья крепости. Позднее прибыли Реншильд и Левенгаупт и я доложил им о замеченных всадниках. После сумерек меня и моих людей сменил лейтенант Маннерберг, таким образом, я пробыл на дежурстве полтора дня. После смены я увидел полковника Сигрута с 50 кавалеристами, которые направлялись к подножью холма. С ними были капитан, лейтенант и корнет. Кавалеристы должны были сменяться каждый вечер. В этот же день прибыло еще несколько полков. Это была колонна генерал-майора Спарре, с которой прибыло 4000 запорожцев, которые недавно стали нашими союзниками. Дивизия Спарре разместилась возле города, а часть ее разместилась возле леса на север от Полтавы. Вишни начали краснеть, и я их попробовал в последний день апреля.

2 мая. Начали копать траншеи. 600 рабочих взяли от полков, которые прибыли вместе со Спарре и еще 400 от запорожских казаков. Для их защиты было взято 400 человек из Далекарлийского и Хельсиньорского полков. Все они находились под командой подполковника Гертена. Еще были взяты люди из лейб-гвардии, но я не знаю, сколько и под чьим командованием. В ночь с 1 на 2 мая мы были потревожены противником, который стрелял ядрами из пушек, бросал зажженные связки хвороста, пропитанные смолой. Все это предпринималось, чтобы отпугнуть нас. Прапорщик из роты Овансье (Далекарлийский полк), который находился на посту возле палисада (близко от крепости) решил отползти назад и спросить лейтенанта Маска, оставаться ли ему далее возле палисада или отступить назад. Все вокруг было освещено и хорошо видно. Однако лейтенанта на месте не оказалось, и прапорщик пошел дальше искать его. Когда рабочие в траншее увидели его, они запаниковали и отступили. Позже они были остановлены и вернулись назад. Прапорщика арестовали и приговорили к смертной казни. Позднее король простил его и приговорил его к 6 месяцам солдатской службы.

Враг пытался сделать вылазку в Опошне, переправив 15000 солдат через Ворсклу. Генерал-майор Роос с его полком, Калмарский полк и два драгунских полка (Дюкертский и Таубенский) защищали Опошню. Враг имел намерение заставить короля изменить свой план относительно Полтавы и снять осаду с крепости. Король взял только 8 рот из состава двух батальонов лейб-гвардии, которые находились в Петровке и направлялись в Полтаву. С этими частями он пошел на Опошню. Он также приказал четырем пехотным полкам (4000 человек) и трем кавалерийским полкам (3000 человек) идти на Опошню. Когда враг увидел приближающегося шведского короля, он отвел все свои войска через мост и больше ничего не предпринимал. Шведы атаковали тыловое прикрытие русских и убили 200 человек. Во время обороны Опошни потери шведов были мне неизвестны. Мы потеряли 2 пушки и флаг драгунской роты.

Майор Лодхе был во время нападения русских на посту. Его подразделение было отброшено назад, а сам майор попал в плен. Капитаны Шлиппенбах, Хаммархельм и лейтенант Брун были убиты. Причиной этих потерь было то, что майор Беер из Вермландского полка, которым командовал генерал-майор Розенс, был сменен майором Лодхе и находился далеко от передовой позиции. Когда началось наступление русских, его позвали на помощь, но он отказался и из-за этого майор Лодхе был захвачен в плен. Майор Беер был арестован и полевой суд под командованием Левенгаупта перевел его в солдаты сроком на 6 месяцев. Король его не простил и сказал, чтобы он больше не хочет его видеть, так как он не пришел на помощь товарищу. Майор Беер считал, что майор не может приказывать майору, а от подполковника приказа он не получал. Поэтому он и пошел отдыхать.

8 мая. Около полудня подполковник лейб-гвардии Юлленкрук прибыл в мое расположение и приказал сползть к дозорным и сказать, чтобы не стреляли в отдельных особей перед ними, поскольку там может быть Король, который осматривает крепость Полтава. Я дополз до них и противник меня не заметил. Однако, когда я начал разговаривать с дозорными, противник начал стрелять, поскольку ночь была тихая, и нас услышали. Русские направили на нас пушки, так как заметили нас в траве и кустах. Если бы Бог не защитил меня, и если бы я не прыгнул быстро в траншею, меня, наверное, убили бы, так как они видели меня бегущим. Русские стреляли и бросали горящие связки хвороста в смоле. Затем они перестали стрелять, так как были, наверное, уверены, что убили всех в траншее. До самого утра мы боялись даже пошевелинуться, и только утром мне удалось выбраться оттуда.

9 мая. После полудня лейтенант князь Карл Поссе с 50 гренадерами получил приказ захватить палисад, к которому мы вплотную подошли своими траншеями. С Божьей помощью ему удалось это сделать, он потерял 6 человек убитыми, и 10 было ранено. Враг отступил от палисада в крепость. Младший брат этого лейтенанта – Арвид, который находился на дежурстве в осадной траншее, попросил у Короля разрешение помочь брату с 30-ю его гренадерами, которые страстно желали атаковать. Король разрешил ему помочь брату. Благодаря своей отваге, через 3 часа 15 минут враг оставил палисад и он пере-

шел к шведам. Во время этой атаки я получил приказ от полковника Сигурта взять с собой 6 человек, идти к артиллеристам, взять у них 200 гранат и доставить их сюда. По дороге я встретил Короля, который спросил меня, куда я направляюсь. Я сказал, что меня послали за гранатами. Он отправил меня назад, сказав, что гранаты сейчас бесполезны. Я доложил об этом полковнику Сигурту и оставался на дежурстве еще 2 часа, пока меня не сменили.

11 мая. После обеда Мазепа прибыл к Королю. Он пробыл у него два часа и затем убыл в свою штаб-квартиру в Жуках. В тот же вечер я снова заступил на дежурство в осадных траншеях. Во время этого дежурства было убито два солдата и три запорожца. Двое первых находились в карауле на передовой, а трое запорожцев прибыли на передовую по собственному желанию, и их убили русские с передовых позиций. Каждый день запорожцы убивали несколько русских, так как они были очень искусными стрелками.

12 мая. Я пришел на дежурство вечером, но был вынужден всю ночь быть начеку, так как мы получили предупреждение, что враг концентрирует свои силы вокруг нас. Это не было необычным, поскольку мы каждую ночь были готовы к атаке противника.

13 мая. Вечером я снова был на дежурстве. За ночь ничего не произошло, однако днем мы потеряли 14 человек, которые были застрелены во время выполнения работ в траншеях. Пятеро из них были шведы, остальные – запорожцы. Во время осады не было ни одного дня, чтобы мы не несли потери.

15 мая. Я был на дежурстве, когда полковник Бинау открыл огонь из пушек по крепости. Мортиры вели огонь раскаленными ядрами. Всего вели огонь две батареи. (примерно 6 пушек или 2–4 мортиры – О. Б.). Король не разрешил ему продолжать стрельбу. Они прекратили огонь в 11 часов вечера, что было против воли полковника. Я слышал, как полковник просил разрешения у Короля продолжить огонь еще на 6 часов, для того, чтобы уничтожить крепость. Король похлопал по плечу полковника, назвал его «дедушкой» и попросил не злиться. Король сказал, что мы все равно возьмем врага, так что не надо больше стрелять сегодня. Я делаю из этого вывод, что Король не имел желания брать крепость, иначе он не остановил бы Бинау. Похоже, что в намерение Короля только входило проверить, действительно ли осажденные намерены защищать крепость. После Головчина у нас не было ни одной битвы в открытом поле.

17 мая. Утром мы заметили, что враг работает (рубит лес и еще что-то делает) на другом берегу Ворсклы. Мы сделали вывод, что он хочет сделать проход по болоту к городу. Король приказал полковнику Юлленкруку сделать укрепление на восток от крепости для противодействия русским. Там должен был расположиться сильный отряд (рота) для его обороны. Редут был сделан в форме звезды. Подполковник Сильверспарре занял этот редут с 200 солдатами. В тот же день к нам прибыло 2000 запорожцев. Вечером я снова был на дежурстве в осадных траншеях, где мы сменили наряд от лейб-гвардии, и разместили своих наблюдателей. Самая дальняя часть осадных траншей охранялась солдатами Йончепинского, Калмарского и Крунобергского полков. Каждый день подразделения Далекарлийского и Хельсиньорского полков были на охране осадных

траншей в количестве 540 солдат и капралов, 2 капитанов, 14 лейтенантов и фенриков, всего около 560 человек. Я находился внутри захваченного палисада в тот момент, когда шведы начали копать подкопы под недавно возведенные земляные стены крепости. Это было очень опасное место расположенное очень близко от крепости. Жители города кидали в нас мертвых кошек, камни, бревна и гнилые овощи. Они даже два или три раза попадали в Короля, когда он находился недалеко от меня. Майор Врангель часто посещал меня ночью для того, чтобы услышать мой доклад. Лейб-гвардию, которая ранее охраняла этот участок, теперь перевели к той части крепости, которая ближе к монастырю, чтобы они противодействовали планам врага. Это более удобно для них, поскольку они находились в долине возле монастыря, совсем близко от их лагеря. Их предыдущая позиция находилась на расстоянии 7 километров от их лагеря. Они не могли идти прямо по долине, так как их могли обстрелять.

19 мая. Рано утром калмыки атаковали нас, переправившись через Ворсклу. Они украли 300 офицерских и других коней лейб-гвардии. Как только кони начали пастись, их захватили и ни одного мы не вернули. Вечером того же дня я был на дежурстве на гауптвахте возле штаб-квартиры Короля. Ходили слухи, что враг имеет намерение переправиться через Ворсклу и проникнуть в город. Далекарлийский и Хельсиньорский полки двинулись к монастырю, где они соединились с полком лейб-гвардии и другими полками, которые собирались с разных сел, расположенных вокруг монастыря. Два флага этих полков были принесены фенриками на гауптвахту. В моем распоряжении было 2 прапорщика и 36 солдат. Полковник Сигрот приказал мне охранять флаги и, если что-то случится, немедленно доложить генерал-майору Спарре, чей лагерь находился недалеко от штаб-квартиры Короля. Генерал-майор Спарре приказал мне охранять бригадира Головина, который был пленником. Я приказал прапорщику сделать пост и взять под охрану как дом, так и внутреннее помещения. Офицер находился в доме вместе с Головиным. Караул менялся каждый час. Около часа ночи враг начал обстреливать монастырь с батареей на другом берегу реки. Они стреляли до 5 часов утра, но не атаковали. В 7 часов утра полки покинули место и уже к 9 часам утра они были в своих лагерях, поскольку никакого наступления не было.

20 мая. Меня сменил лейтенант Фалкенвилге, в подчинении которого было столько же солдат, сколько и у меня. Во время его дежурства бригадир Головин предложил деньги шведскому солдату и пообещал ему должность офицера за организацию побега, но солдат отказался и доложил лейтенанту, тот – полковнику. После этого Король приказал, чтобы офицер охраны жил вместе с бригадиром (Головиным – О. Б.) в его бараке. Головину разрешили принимать пищу вместе с полковником, но под охраной. Солдат получил вознаграждение в сумме 30 монет (дукатов). Это был тот же солдат, который год назад получил такую же сумму вознаграждения за то, что смог вернуть назад захваченный русскими флаг в Малатице (Роос был в лагере и его атаковали, но Далекарлийский полк пришел на помощь; тогда погибло много шведов. Это произошло в 1708 году после битвы при Лесной, когда шведская армия двигалась на Украину.

21 мая. Вечером меня направили в караул на новое место, левее того, где я находился ранее. Это новая траншея, которая находится возле укреплений крепости, к которых мы приблизились. Полковник Сигрут направил меня туда. В моем распоряжении было 32 гренадера, финский капрал с 4 солдатами и прапорщик с 12 солдатами. Мы стали зажигать палисад, и я командовал этим по приказу полковника Сигрута. Мне поручили держать фитиль тлеющим день и ночь, а мушкетеры имели постоянно присоединенные штыки, поскольку это было очень опасное место. Я следовал за теми, кто копал подкопы, и охранял их. Между нами было 150 солдат во главе с майором, капитаном, 2 лейтенантами и 2 фенриками. Около 10 часов вечера Король прибыл и спросил меня, когда я заступил на дежурство. Я ответил, что только что заступил по приказу полковника Сигрута. Король спросил меня, из какого я полка. Я ответил, что служу в Хельсингборгском полку. Затем Король сказал, что этот полк соединен с Далекарлийским полком, и я ответил да. Потом Король спросил меня, почему мы здесь, ведь ранее мы находились правее. Я ответил, что не знаю причины. Солдат Далекарлийского полка ответил Королю, что он знает причину: солдатам из других полков не доверяют так, как нам и поэтому мы должны быть там, где опаснее. Король переспросил меня о том, что сказал солдат, и я повторил его слова. Король улыбнулся. Далее Король спросил меня, какое у меня звание и я ответил, что я – фенрик. С какого времени, спросил Король? Я ответил, что уже 7 лет. Затем он спросил, участвовал ли я под командованием Левенгаупта в сражениях в Курляндии, и я ответил да. Затем подошли полковник Сигрут с Юлленкруком и Король пошел с ними к рабочим, которые копали впереди меня. Это было около 12 часов ночи, а в 2 часа Король отправился в лагерь.

22 мая. Враг начал стрелять из пушек в том месте, где я находился. В нас бросили около 30 гранат, а также бревна и камни. Враг был очень близко, и мы начали кидать камни друг в друга. Гранаты никого не убили, но я потерял 5 солдат из-за русских снайперов. Все они были убиты выстрелами в лоб, когда стояли впереди. 7 запорожцев были убиты. Они были нашими снайперами. Таким образом, мы потеряли в этот день 12 человек.

(Прицельная дальность ружья с нарезкой была 30–40 метров, его ствол был длиннее мушкета, на зарядание требовалось больше времени. Снайпер мог убить на расстоянии 100 метров. На зарядание мушкета уходило 1–2 минуты – О. Б.).

Я закрыл место, где мы находились большим камнем от мельницы. Мы вели наблюдение через отверстие в камне, и это нас защищало.

В 10 часов утра Король прибыл на нашу позицию и увидел кровь и мозги на земле. Трупы в это время уже увезли. Он приказал нам покинуть это место и не охранять его днем, так как можно услышать, если враг сделает вылазку. Я выполнил приказ. В 2 часа дня Король вернулся и передал полковнику Юлленкруку куклу с лицом, сделанным из дерева, шляпой, одеждой и оружием. Его Величество приказал установить эту куклу перед противником, чтобы он стрелял по ней. Каждый раз, когда я поднимал куклу над траншеей, русские стреляли в нее 2–3 раза. Я делал это в течение полутора часов, и затем король

спросил меня, не устал ли я. Я ответил, что нет. Затем Король сам несколько раз поднял куклу. В куклу летело 20 ядер и 30 пуль. В ее голове было много отверстий. Король, Левенгаупт и Стаккелбери развлекались с этой куклой достаточно долго. Потом в них полетело 3–4 мертвых кошки, собаки и гнилые овощи. В Короля попали мертвой кошкой. Потом в нас бросили 8–9 ручных гранат. Затем Король приказал мне попробовать перебросить через стену 2–3 гранаты. Это было очень трудно сделать, находясь в узкой траншее. Кроме того, мы находились ниже русских. Первая граната перелетела палисад, но не перелетела стену. 2-я и 3-я гранаты долетели до того места, где находились защитники крепости. Остаток дня они больше нас ничего не кидали. Король покинул нас, и я больше не кидал гранат в крепость. Меня сменили, как обычно, вечером.

23 мая. Утром враг выпустил 3 бомбы из мортир, расположенных за рекой. Взрывов не было, т. е. эти бомбы содержали приказы или указания. Этим же вечером три бомбы запустили из города. Одна из них не долетела до врага и упала возле нашей позиции. Мы нашли в ней рапорт полковника Келина о ситуации в крепости, карту укреплений, построенных в крепости после начала осады и карту шведских позиций возле крепости. Все было написано по-французски. Поскольку противник продолжал работы на болоте, мы со своей стороны тоже возвели небольшие редуты в качестве контрмер. Мы продолжали строить их день за днем. Этим же вечером, я заступил на дежурство на свою прежнюю позицию. Ночь прошла очень тихо, и мы продолжали нашу работу. Наша линия траншей уже проходит возле бревенчатой сторожевой башни.

24 мая. Около 4 часов вечера капитан минеров Кронстедт доложил, что враг делает контрподкопы, и они уже находятся в трех метрах от шведских подкопов. Он попросил полковника Кроннмана, который находился на дежурстве в траншее, разрешить ему подорвать порох, заложенный в лазе под главной стеной крепости. Но Короля на месте не было, и полковник Кроннман не решился разрешить взорвать мину в подземном ходе. Затем капитан Кронстедт спросил разрешение у Реншильда и Левенгаупта, но они тоже не разрешили делать это до возвращения Короля. В результате враг в 6 часов вечера прокопал проход к шведскому лазу и забрал весь порох. Все оказалось напрасно. Я был сменин как обычно фенриком Титтгеном.

25 мая. Я был свободен от дежурства весь день, и мне нечего было докладывать, кроме того, что враг сделал вылазку в нашу траншею и убил сержанта Якоба Лейона из Хельсиньорского полка, который был там с 12 солдатами. Сержант находился в подземном ходу. После того, как его проткнули штыком, он намертво схватил его и так и умер, не отдав штык врагу. Двое русских тоже погибли в подземном ходе. Когда Король прибыл в траншею, еще до того как вывезли убитых, он увидел сержанта со штыком в теле и сказал, что тот был смелый человек. Если бы он выжил, сказал Король, он его бы повесил в звании. Во время осады крепости не было ни дня, чтобы мы не несли потерь. В Хельсиньорской роте и роте Овансьё (Далекарлийский полк) мы потеряли 5 лучших солдат.

26 мая. Вечером я заступил на пост на старое место в осадной траншее. Мы стали готовиться к тому, чтобы сжечь палисад и бревенчатую сторожевую башню. Фенрик Стокман из Остерготтского полка был использован для этого, так как полковник Апельгрэн рекомендовал наказать его за дуэль тремя годами тюрьмы. Он мог искупить свою вину, если бы он смог зажечь башню и палисад. Смола, хворост, солома и факел были приготовлены заранее. Пока я находился там. Они еще не начали зажигать. На следующую ночь им удалось зажечь только палисад, так как фенрик Стокман был застрелен. Вечером этого дня подполковник Старенфлюкт, который находился на дежурстве вместе с полковником Буквалдтом и майором Пистолем, приказал мне выводить моих людей из этой траншеи во вторую линию, если нас будут атаковать. Я ответил, что будет лучше, если нам придут на помощь, чем показать спину врагу. Моя идея не понравилась подполковнику, и он потребовал выполнять приказ. Но в это время прибыло двое полковников: Сигрут и Буквальдт, которые поддержали меня. Они говорили между собой по-французски, и я не понимал их.

28 мая. Вечером я сменился, но всю ночь не мог спать, так как было очень много врагов вокруг нас.

29 мая. Было нападение русских из крепости на наших рабочих в осадных траншеях. Лейтенант Руда и прапорщик Изерхельм находились среди работающих и были убиты. Вечером я заступил на дежурство и сменил фенрика Титгрена.

30 мая. В 10 часов утра Король прибыл на мою позицию и, когда заметил тлеющий фитиль, спросил, для чего он нужен. Я ответил, что это был приказ, так как надо было все время иметь под рукой огонь для зажигания ручных гранат. У нас всегда есть огонь, с самого начала моего дежурства, т.е. с того времени как нас здесь разместили, сказал я. Король сказал, что в этом нет необходимости, так как фитилей не хватает и их надо беречь. Если есть кремень, то всегда можно быстро добыть огонь. Он приказал потушить фитиль и больше не поддерживать его тлеющим. Король спросил меня о военных действиях в Курляндии и других местах, особенно он интересовался событиями у Лесной. Я честно рассказал ему все, что знал об этом. Мой рассказ и его обсуждение продолжалось до 11:30, после чего он поехал обедать в свою штаб-квартиру. В полдень мы переместились ближе к рабочим. Когда я попробовал обустроить новый безопасный пост для караула, русские начали бросать гранаты (12 штук), но не причинили нам вреда. В 15:00 Король вернулся и спросил, не произошло ли чего. Я ответил, что нет, однако русские бросили в меня 12 гранат, но, слава Богу, все обошлось. Король сказал, что ручная граната или бомба никогда не причинят вреда, если только не попадут прямо в тело. Я ответил, что это не совсем так, так как видел, как гранаты отрывали солдатам руки, ноги и головы. Такой же эффект имеет и бомба. На своем правом плече я все еще это чувствую с 1705 года, когда во время осады Митау меня ранило осколком бомбы. Генерал адъютант Шульц согласился со мной.

Шульц был захвачен в плен нашими казаками (казаками гетмана Мазепы – О. Б.). Это случилось во время перехода Десны, когда мы только вошли в

Украину. Шульц и русский бригадир Мюлленфельтц присягнули на верность Королю и получили возможность находится при Короле, возле его штаб-квартиры. (Возможно Король любил с ними поговорить...). Мюлленфельтц никогда бы не позволил себе вернуться к Петру I, так как именно он под Гродно пытался помочь шведам захватить в плен Петра I. Генерал-адъютант Шульц, кто хорошо знал менталитет Петра I, тоже не ожидал от него ничего хорошего, поскольку письма Петра I Августу II попали в руки шведов и раскрыли планы Петра I и Августа II после захвата Шульца в плен. Хотя Шульц и был невиновен, но он не ждал ничего хорошего от Петра I.

Король сказал, что все же гранаты и бомбы вещи бесполезные. На этом дискуссию закончили. Немного позднее прибыл генерал-лейтенант Мюллер и говорил наедине с Королем. После этого они покинули траншею вдвоем. Я сменился с дежурства как обычно.

31 мая. В 9 часов утра я был на своем холме, где была моя вторая позиция, и где я показал Королю место, где два всадника пересекли ручей и проехали в город (я уже об этом писал). На этом месте у нас сейчас находится пост с отрядом под командой лейтенанта. Я хотел увидеть, как далеко продвинулся противник со своими работами на болоте. Я хотел также увидеть наши редуты и фортификационные сооружения. Там я увидел Короля, Левенгаупта, Стаккелбери, полковника Сигрута, Таубе и Буквальдта. В 9:30 русские начали стрелять из 72 ушек с другой стороны болота, где в лагере находилась большая часть армии неприятеля. Полковник Сигрут посчитал пушки и я тоже их посчитал. Они стреляли, сообщая какой-то сигнал тремя выстрелами (всего было сделано 216 выстрелов). Это было похое на салют и мы это обсудили. Некоторые подумали, что, наверное, русский царь прибыл в армию. Другие думали, что, может быть, это день рождения Петра I или церковный праздник русских. Король спросил бригадира Мюлленфельтца, зачем этот салют, но он не знал, поскольку уже долго не служил в армии Петра I. Король спросил Неубаура, кто только недавно попал к нам, и кто служил слугой у сына Петра I Алексея. Сейчас он был с нами, так как он не любил стиль жизни русских. Король спросил его, не праздник ли это. Вечером я снова был на дежурстве.

1 июня. Вечером меня сменили и ничего интересного, о чем стоило бы написать, в этот день не произошло.

2 июня. Я был на дежурстве в траншеях. Снова ничего интересного не произошло.

4 июня. Я был свободен от дежурства, но мой полк получил команду смениться вечером к болоту и находиться нам наготове к отражению атаки врага на наши редуты, которые мы уже построили напротив их укреплений. Но противник не начал атаку в этот раз, и поэтому генерал-майор Стаккелбери приказал полку вернуться назад 5 июня в 1 час дня. Когда мы покинули траншею, враг начал стрелять по нас из крепости, и мы двигались один за другим, чтобы избежать больших потерь. Враг уже стрелял по нас из пушек, но так как мы были хорошо спрятаны в большом вишневом саду, расположенном между

городом и редутом. Они не видели нас, пока мы не начали возвращаться. В 2 часа дня мы прибыли в лагерь без потерь.

5 июня. Вечером, когда я получил суточный пароль, мне приказали охранять коней моего полка (пехотные части имели много коней для офицеров и обоза – О. Б.). В 3 часа утра, когда я прибыл на место, где возле штаб-квартиры Короля собирались все пикеты, я нашел там около 50 человек. Там уже было много ездовых лошадей других рот, и они ожидали прибытие еще лошадей из двух рот. Чтобы поторопить их, я поскакал к ним и сказал лейтенанту, который был заместителем командира роты, что я жду его лошадей на условленном месте. В этот же момент я заметил Короля, который, стоя на коленях, молился под большим деревом (это была утренняя молитва). Он так страстно молился, что когда я это увидел, то на моем лице появились слезы. Затем я вернулся к пикетам и проверил своих людей, все ли на месте. Затем я разрешил им сесть на лошадей и разделил всех лошадей на 3 части, после чего отправил их пастись. Майор Свинхувуд приказал мне не заходить далеко от лагеря, а найти хорошую траву как можно ближе от лагеря. Такое место мы нашли в 7–8 километрах от лагеря. Воду мы нашли в другой стороне от лагеря, на расстоянии примерно 2–3 километра. После прибытия на поле, где была трава, я приказал всем вместе помолиться и отпустить коней пастись под охраной. Их надо было держать вместе и охранять. В полдень, когда я повел коней на водопой, я заметил в лесу несколько калмыков, но они нас не атаковали, а ускакали прочь. После водопоя я не стал ехать назад по той же дороге, а поехал пастись на другое место. Таким образом, я избежал атаки. В 9 часов вечера я прибыл в лагерь с конями и доставил их в свои роты в целости. Полковник Сигрут и подполковник Драке видели, как я возвращался и спросили меня, как далеко я был. Они заметили, что лошади накормлены лучше, чем прежде. Я ответил, что был в 10 километрах отсюда. Они удивились, что я настолько смелый, чтобы пасти лошадей так далеко. Но я ответил, что ближе не было травы, все уже съедено. Они спросили, видел ли я противника, и я ответил, что видел только 30–40 калмыков, которые исчезли недалеко от водопоя. Затем я поскакал к майору Свинхувуду на доклад и затем вернулся в лагерь. Следующую ночь мы должны быть настороже.

7 июня. Вечером я опять был на посту в траншеях.

8 июня. В полдень меня отвели за линию рабочих, после того как капитан Екман и лейтенант Перман из инженерного подразделения были ранены. В 6 часов вечера, накануне моей смены, начался страшный ливень, которого не видели даже ветераны. Уровень воды в траншеях был выше колена. Мертвых лошадей унесло водой вниз по течению Ворсклы. Почти сухие ручьи превратились в большие реки глубиной в пику (4 метра – О. Б.). Когда я вернулся в лагерь в долине, окруженной холмами, я обнаружил палатки полные воды. Мой чемодан уплыл бы, если бы он был пустой. Мы делали небольшие каналы для отвода воды. В эту ночь было очень шумно из-за множества лягушек, которые нас беспокоили. В палатке было много мух, которые там спасались от дождя. Во время всей осады у нас было мало возможности отдыхать и спать ночью.

Даже если мы не находились на дежурстве, мы всегда были начеку. Днем, когда мы себя чувствовали более безопасно, мы не могли спать из-за страшной жары. Я с уверенностью должен сказать, что после очень холодной зимы, которая принесла нам много вреда, настало необычно жаркое лето, которое было как катастрофа. Мы находились на открытом месте без источников питьевой воды, которая была только в деревнях и городах. Кроме городов и сел, не было никакой тени, чтобы там спрятаться.

9 июня. Вечером я находился в траншеях. Мой деверь (муж сестры – О. Б.) Петер Ахльстрем пришел ко мне в тот момент, когда я уже направлялся в траншею. У меня не было возможности поговорить с ним, и не было возможности его накормить (угостить вином и едой, как гостя). Он сказал, что сейчас он – квартирмейстер в полку лейб-гвардии. Я покинул его, так как Король находился рядом и видел меня. Мне нельзя было взять брата с собой, так как Король этого не любил.

10 июня. В полдень Король был на моем посту. Как правило, после ужина и до 24:00–2:00 он был в траншеях. Король спросил меня, как часто я бываю на посту. Я ответил, что у меня один вечер на службе, один – свободен. Потом он спросил, так ли часто ходят в наряд солдаты. Я ответил, что да. Потом один из моих солдат начал ругать вражеских солдат и назвал их «Петр на болоте». Он обвинял их в том, что те никогда не принимали бой в открытом месте. Они стреляли по шведам из болот и затем исчезали. Они боялись битвы в открытом поле. Король слышал, что говорили солдаты, но он спросил меня, слышал ли это я. Когда я ответил, он положил левую руку на мое правое плечо и спросил, кого они называют «Петр на болоте». Когда я ответил, он отошел и приказал, чтобы у солдат в траншеях была теплая пища. Но он ничего не сказал об офицерах и фенриках. Нас ничего не спросили, есть ли что у нас кушать.

11 июня. Перед самым полуднем похоронили капитана фортификаций Экмана, лейтенантов Пермана и Линдроса. Их похоронили недалеко от могилы майора Хочмута, который был смертельно ранен три недели назад.

.....

11 июня. Вечером меня сменили. За день не произошло ничего интересного.

13 июня. В 3 часа утра враг начал обстреливать бомбами из-за болота позицию, где находился пост Далекарлийского полка под командой фортификационного капитана Мёрлинга. Потерь не было. В тот же день капитан Мёрлинг был ранен и позднее он умер. Вечером я снова был на дежурстве.

14 июня. Вскоре после полудня, капрал драбантов Бомэн пришел на мой пост и спросил, нет ли здесь Короля. Я ответил, что Король находится ближе к врагу, там, где сейчас копают траншею. На пересечении траншей мы встретили Короля. Он взялся за пуговицу на моей груди и спросил, откуда я пришел и есть ли у меня новости, так как ему кажется, что меня послал к нему с докладом полковник Сигурт. Я сказал, что я просто нахожусь на дежурстве, и он отпустил меня. Вечером меня сменили.

15 июня. Мы получили донесение о том, что генерал-лейтенант Хейнске переправился через Ворсклу с 14 полками (6 кавалерийских полков и 8 – пехотных, но также верхом на лошадях). С ними также были казаки и калмыки. На следующее утро они атаковали части генерал-майора Крузе, который был послан в Старые Сенжары с 4 полками. Им было приказано охранять русских, взятых в плен под Веприком и в других населенных пунктах. Среди пленных был 1 полковник, 1 подполковник, 2 майора, 16 других офицеров, 1570 прапорщиков и солдат. Эта атака началась в 3 часа утра и достигла города в 6 часов, когда враг начал штурмовать Старые Сенжары, окруженные палисадом и сухим рвом. Они освободили пленных, убили много наших, взяли в плен 1 майора, 1 капитана, 2 лейтенантов, 1 корнета, 25 прапорщиков и солдат. Число убитых шведов мы не знаем. Враг докладывал, что их потери составили: 1 фенрик, 1 прапорщик, 58 солдат, 39 лошадей. Были ранены: 1 майор кавалерии, 5 капитанов, 5 секунд капитанов, 7 фенриков, 7 унтер-офицеров, 159 солдат и 40 лошадей. Это уже второй случай, который произошел с генерал-майором Крузе за последнее время. Я думаю, что он был не очень осторожным и внимательным, так как у него в Старых Сенжарах был только Рижский дворянский полк (160 человек) и несколько запорожцев. Им пришлось защищать себя как от врагов, так и от пленных, которые дрались палками, чтобы освободиться. Крузе был за городом с 3 другими полками и не смог прийти на помощь, так как враг имел несколько полков между ним и городом. В этом городе, как и в Новых Сенжарах, мы покупали пшеницу для армии (выпечка хлеба). Подполковник Сильфверхельм с 600 солдатами из кавалерийских полков охранял запасы зерна. Этим же вечером после смены, когда старый наряд шел в лагерь, Король приказал капитану Вийкштену из Далекарлийского полка с 50 солдатами переместиться к подножью холма и расположиться между крепостью и болотистой местностью. Может быть, это сделали для провокации вылазок из крепости. Так и случилось. В вылазке участвовало много врагов, и все происходило очень быстро. Капитану было трудно обороняться, пока он не получил подкрепление из наших редутов. После одного часа боя русские отступили в крепость через ворота. Лейтенант Белке атаковал их возле ворот. Король видел Белке и сказал, что он – храбрый воин. Король любит смелых воинов. Я тоже все это видел, так как был на расстоянии четверти дистанции огня мушкета (примерно 25 метров) от Короля. Был ранен генерал-лейтенант Мёллер, два унтерофицера и 10–12 солдат из моего полка. Сколько человек было убито и ранено в других полках, я не знаю. В тот же вечер я получил приказ на следующий день охранять лошадей.

16 июня. В 3 часа утра я прибыл на место сбора. Со мною было 50 человек и 2 прапорщика. Лошадей я пас там же, где и ранее. До этого там никого кроме меня не было. Но в этот день враг был очень активным; 3 курьера от полковника Сигурта прискакали ко мне и сказали, что надо быть очень внимательным. Король приказал пехотным полком, расположенным далеко, подойти поближе. Я не видел врагов, кроме казака, который скакал ко мне, когда я проверял охрану. Я убил его лошадь своим пистолетом и взял его в плен. Вечером я вернулся

в лагерь. По дороге назад, я получил предупреждение от полковника Сигрута, чтобы не спутать лошадей с другими полковыми лошадьми. Я пошел по другой дороге через лагерь запорожцев и не потерял ни одной лошади. Я доставил людей и лошадей в лагерь и доложил майору Свинхувуду. Пленного казака я доставил в караульное помещение и доложил полковнику Сигруту. Было решено, что на следующий день мы не будем пасти лошадей. В место этого, в 10 часов вечера солдаты были посланы в лес собирать листья и корм для лошадей на следующий день. Они работали всю ночь.

17 июня. Около 3 часов утра мой полк получил приказ двигаться вниз к болотистой местности под крепостью, для того, чтобы остановить врага, который ночью построил мост через Ворсклу, справа от наших редутов. Эта переправа была сделана широкой (16 человек могут идти по ней плечом к плечу). По краям переправы были насыпаны два вала земли. Шесть наших пушек, расположенные на холме, не смогли поразить людей закрытых такими валами. Мушкеты – тоже, поскольку высота бруствера была в рост человека. Враг имел намерение сделать охраняемый проход в крепость и стрелял по нам из пушек, мушкетов и гранатами. Они надеялись, что мы им не помешаем, однако наши мушкетеры и 6 пушек под командой подполковника Поста стреляли по ним эффективно, и нам показалось, что русские попробуют переправиться не здесь, а ближе к монастырю (севернее). Капитан Гюнтерфельдт из полка Лейб-гвардии драгунского полка доложил Королю о необходимости помощи (по всей видимости, русские пытались переправиться еще где-то – О. Б.). Король решил усилить его одним батальоном из состава Далекарлийского и Хельсиньорского полка, в котором я служил (примерно 600 человек). В 6 часов утра мы быстро побежали к новому месту, где русские пытались переправиться (наверное, это были Нижние Млыны – О. Б.). Мы прибежали около 8 часов утра и обнаружили, что 1200–1500 человек уже переправились через Ворсклу. Они захватили небольшой остров, и им осталось преодолеть последний рукав реки, чтобы окончить переправу. Для батальона там было мало места, и мы ждали в лесу, однако враг начал стрелять по нам с острова. Король дал команду, и 16–20 человек стали возле забора у дороги и начали стрелять по врагу. В этот момент Король был ранен в левую ногу пулей из мушкета. Это случилось в 8:30 утра, в день его рождения. Король не подал виду, что он ранен, ускакал в мою роту и отдал приказ 24 солдатам моей роты прикрывать прибывших запорожцев, которые должны расположиться на позиции и начать вести огонь по врагу. Запорожцы подошли к лесу и начали стрелять из своих великолепных мушкетов. Я получил задачу от полковника Сигрута и сказал своим солдатам, что надо говорить нашим, что казаки – это наши союзники. Казаками командовал сын сестры гетмана Мазепы – Венеровский (Войнаровский – О. Б.). Король спросил меня, куда я иду, и я сказал ему о полученном приказе. Он разрешил нам ехать дальше, и я поскакал к запорожцам. Я заметил по лицу Короля, что он ранен, так как он выглядел не очень хорошо. Фенрик Тетгрэнс, который находился на дежурстве в лагере, недалеко от штаб-квартиры Короля, сказал мне позднее, что Король не поехал отдыхать или лечить рану, а поехал прямо в рас-

положение подполковника Драке для того, чтобы разобраться с ситуацией возле моста через болото. Враг смог бы достичь крепости по мосту, если бы Драке не защищался смело и не сделал бы укрепление с несколькими пушками, что позволило отбросить врага назад. Через час Король прибыл в свою штаб-квартиру. Полковник Сигрут вернул свой батальон из Нижних Млынов к крепости на помощь Драке, так как запорожцы, которых я прикрывал, нанесли страшный урон врагу и русские отступили с острова, оставив 100 или более убитых. У нас было ранено только 2 человека. Когда мы оставили Нижние Млыны, мы встретили драгунский полк лейб-гвардии и полк драгун полковника Веннерштедта, которые направлялись наблюдать за врагом в Нижние Млыны. Мы понимали, что атака врага через болото захлебнулась, и мы поехали в лагерь. Драке со вторым батальоном Далекарлийского полка остался защищать (подступы к мосту через болото – О. Б.). Этим же утром Реншильд вывел основную часть шведской армии в поле между селами Жуки и Петровка. Мазепа был с ними. Это было недалеко от того места, где враг сделал укрепление на нашей стороне реки. Но ни русские, ни мы не атаковали друг друга возле деревни Петровки. Реншильд доложил Королю через Дугласа (адъютант Короля – О. Б.), что Петр I перешел через реку и он (Реншильд – О. Б.) хотел бы знать, что ему следует делать. Однако Дуглас вернулся и сказал, что Король ранен и он (Реншильд) должен принимать решение сам. Реншильд решил отвести войска назад.

18 июня. Ночью русские пытались силой прорваться в Полтаву с востока по дороге через болото. Но наш полк и 3 других полка были готовы к этому, так как мы находились в наших укреплениях и были начеку. Мы открыли огонь, и русские больше не пытались приблизиться к нам. Они отступили, оставив около 100 убитых. На следующее утро батареи и редуты на восточном берегу реки были пусты. Возможно, атака прикрывала переход русских на север. Польские валахи подожгли русский лагерь и доставили несколько пьяных русских, которые спали в лагере и были захвачены. Они не могли ничего нам сказать, так как были очень пьяны.

19 июня. Наша рота сделала Королю носилки для двух лошадей. Вечером я вернулся в траншею и сменил тех, кто пробыл там два дня и две ночи.

20 июня. Вечером фенрик Титгрэн сменил меня, и более ничего интересного в этот день не произошло.

21 июня. Титгрэн был на дежурстве еще один день, и полк приготовился к сражению.

22 июня. Наш пост был снят, а траншеи были заняты солдатами Сёдерманландского полка под командованием полковника Вейденхейма и под командой полковника Кронмана. Эти два полка заняли наш лагерь, и все что мы там построили. Мы вышли на поле, где уже стояла в боевом порядке основная часть нашей армии. Мы получили сообщение, что враг хочет дать нам битву в открытом поле. Мы ждали врага с 8 часов утра и до 15:00–16:00. Далее стало ясно, что враг не имеет намерения покидать свой лагерь возле деревни Петровка, хотя у них было превосходство. Нас было меньше, чем русских. Наш полк был очень ослаблен, так как он понес большие потери, начиная с зимы

(марши, голод, холод, битвы, штурм Веприка). Вся армия в 15:45 направилась на другую сторону города. Вся пехота расположилась возле монастыря, где во время осады располагалась лейб-гвардия. Лейб-гвардия тоже вернулась к монастырю. Наш полк расположился возле большого вишневого сада и виноградника. Кавалерия находилась левее нас. Возле нас находились только драгуны полковника Шрейтенфельца, которые использовались для охраны пехоты. В этот же день к Королю прибыл посланник Станислава Лещинского. Мы не знали, что он должен сообщить Королю, однако, пока мы находились в боевых порядках, пошел слух, что Лещинский с большой армией находится в 100 км. от нас.

Заключна частина щоденника, на жаль, була частково пошкоджена, а частково втрачена, що унеможлиблює відновлення записів про події останнього тижня напередодні Полтавської битви. Тим не менше повний переклад щоденника може становити неабиякий інтерес для дослідників Великої Північної війни.